ГИ181
В763

Какъ началась революція 1917 года?

ОЧЕРКЪ, НАПИСАННЫЙ СОЛДАТАМИ УЧЕБНОЙ КОМАНДЫ ВОЛЫНСКАГО ПОЛКА.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Предлагаемый очеркъ, написанный самими участниками февральскихъ событій 1917 года—солдатами учебной команды гвардіи Волынскаго полка, по справедливости долженъ занять видное мѣсто въ литературѣ о Великой Россійской Революціи. Появившіеся до настоящаго времени матеріалы о народномъ движеніи, приведшемъ къ перемѣнѣ государственнаго строя Россіи, представляютъ собою статьи и очерки, написанные посторонними свидѣтелями событій. Предлагаемый очеркъ написанъ ближайшими дѣятелями этихъ событій, непосредственными участниками революціи, и представляетъ собою документъ первостепенной важности, какъ безхитростное, правдивое показаніе по дѣлу. Написанный безъ всякихъ литературныхъ прикрасъ, изложенный эпическимъ языкомъ простого солдатскаго разсказа, очеркъ этотъ даетъ также связное изложеніе событій, приведшихъ къ перевороту. Дни 24—28 февраля 1917 года нашли яркое и точное отраженіе въ разсказѣ волынцевъ, давая отчетливое представленіе о настроеніи солдатъ и гражданъ Петрограда наканунѣ весенних событій 1917 года.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
В763 Р
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
69523, Y

Какъ началась революція 1917 г.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1916-го года основную учебную команду запаснаго батальона гвардіи Волынскаго полка, по приказанію начальства, стали посылать на прогулку по улицамъ Петрограда съ музыкой, при чемъ нѣкоторымъ взводамъ выдавались боевые патроны.

Приблизительно за недѣлю до праздника Рождества Христова основной учебной командѣ былъ сдѣланъ разсчетъ. Двѣ роты были назначены на случай экстреннаго вызова и наряжены въ три караула: въ губернское казначейство, въ пересыльную тюрьму и на сборный пунктъ (Знаменская, 53). Вскорѣ солдатамъ было объявлено, что разсчетъ команды произведенъ для подавленія безпорядковъ, которые возможны противъ царя и его правительства. Нѣкоторые изъ кадровыхъ солдатъ основной учебной команды разъясняли солдатамъ-ученикамъ, что тѣ люди, которые хотятъ собраться на улицахъ столицы, требуютъ правды, и если будетъ приказано по нимъ стрѣлять, то стрѣлять надо вверхъ.

7-го февраля одинъ взводъ основной учебной команды съ унтеръ-офицеромъ Дреничевымъ былъ вызванъ на сборный пунктъ для усмиренія взбунтовавшихся новобранцевъ. Новобранцы взбунтовались будто-бы отъ того, что начальникъ пункта ударилъ одного изъ нихъ. Вызванному взводу было приказано не стрѣлять, а если потребуются рѣшительныя дѣйствія, то бить прикладомъ и колоть штыкомъ. Но оружіе въ дѣло пустить не пришлось, т. к. новобранцевъ успокоили словами.

12-го февраля тотъ же взводъ опять вызвали на этотъ же сборный пунктъ, но и тогда все обошлось спокойно. 14-го февраля сдѣланъ новый разсчетъ основной учебной командѣ, при чемъ въ разсчетъ не вошелъ взводный командиръ мл. унтеръ-уфицеръ Борисовъ, т. к. онъ до поступленія на военную службу жилъ въ Петроградѣ.

Въ этотъ же день, двѣ только что разсчитанныя роты были построены во дворѣ казармъ, и начальникъ основной учебной команды штабсъ-капитанъ Лашкевичъ объявилъ людямъ, что въ городѣ неспокойно и что если будетъ приказано стрѣлять въ Государственную Думу, то чтобы рука ни у кого не дрогнула.

Вызова ротъ изъ казармъ въ этотъ день не было, однако, солдаты были въ полной готовности и не раздѣвались до 12-ти часовъ ночи. Томительно ожидая вызова, солдаты собирались кучками и обмѣнивались мнѣніями относительно того, какъ быть и что дѣлать, если прикажутъ стрѣлять въ народъ или въ Государственную Думу. Никто не хотѣлъ идти противъ справедливыхъ требованій народа.

23 го февраля снова былъ сдѣланъ разсчетъ командѣ на двѣ роты и на три караула. Командованіе 1-й роты взялъ на себя начальникъ команды штабсъ-капитанъ Лашкевичъ, фельдфебелемъ назначенъ подпрапорщикъ Лукинъ, взводнымъ 1-го взвода—мл. унтеръ-офицеръ Марковъ, отдѣленными—ефрейтора Карасевъ и Орловъ. Командиромъ 2-го взвода назначили ст. унтеръ-офицера Козлова, а отдѣленными у него были ефрейтора Ильинъ и Киринъ. 3-й взводъ поручили мл. унтеръ-офицеру Бродникову при отдѣленныхъ ефрейторахъ Сисковѣ и Валюкѣ, а 4-й—ст. унтеръ-офицеру Котокову съ отдѣленными ефрейторами Губаревымъ и Кирѣевымъ.

Командиромъ 2-й роты былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Мошкинъ 2-ой; взводнымъ 1-го взвода у него былъ мл. унтеръ-офицеръ Карпичковъ, съ отдѣленными ефрейторами Семенцомъ и Шараповымъ; взводнымъ 2-го взвода былъ ст. унтеръ-офицеръ Плиссъ, при отдѣленныхъ мл. унт.-оф. Скорюкинѣ и ефрейторѣ Афанасьевѣ. Командиромъ 3-го взвода назначили ефрейтора Сѣроглазова-Горбунова, а отдѣленными у него были ефрейтора Кочергинъ и Гуляевъ. Командиромъ 4-го взвода былъ старшій унтеръ-офицеръ Зайцевъ при отдѣленныхъ ефрейторахъ Ивановѣ и Яковлевѣ. За фельдфебеля назначили старшаго унтеръ-офицера Кирпичникова.

24-го февраля, около 9-ти час. утра, одинъ взводъ основной учебной команды былъ экстренно вызванъ на Знаменскую площадь. Прибылъ къ мѣсту назначенія и былъ помѣщенъ въ дворницкой дома № 37. Взводнымъ командиромъ былъ въ этотъ разъ ст. унтеръ-офицеръ Кирпичниковъ, а офицеромъ при взводѣ былъ штабсъ-капитанъ Цуриковъ, который вскорѣ ушелъ въ Сѣверную гостинницу. Около 11 часовъ Цуриковъ прибѣжалъ и, скомандовавъ «въ ружье», повелъ взводъ на Невскій проспектъ.

Взводъ развернулся фронтомъ къ Аничкову мосту. Въ сторонѣ Аничкова моста показалась огромная толпа народа; полиція старалась ее задержать. Позади солдатъ, на Знаменской площади, тоже было много народа. Толпа рабочихъ подошла сзади къ солдатамъ и умоляла ихъ не стрѣлять въ народъ.

Штабсъ-капитанъ Цуриковъ разговаривалъ съ Кирпичниковымъ и послѣдній сказалъ Цурикову:

— В. в. б., толпа проситъ хлѣба, пусть она идетъ, она сама разобьется.

Цуриковъ улыбнулся и отошелъ въ сторону. Толпа въ это время подошла очень близко. Цуриковъ знакомъ руки велѣлъ проходить на Знаменскую площадь. Народъ съ криками «ура», «молодцы волынцы» устремился на Знаменскую площадь.

У памятника Александру III появились ораторы; они что-то говорили. Около 2-хъ часовъ дня народъ сталъ понемногу расходиться со Знаменской площади, и солдаты были уведены Цуриковымъ обратно въ дворницкую. Черезъ вѣстового Цуриковъ сообщилъ въ батальонъ, что на площади все спокойно и просилъ разрѣшенія вернуться съ взводомъ въ казармы.

Около 6-ти часовъ вечера пришли въ казармы, но часовъ въ 8-мь насъ вызвали къ подъѣзду батальонной канцеляріи. Вышелъ штабсъ-капитанъ Мошкинъ и началъ говорить:

— Ребята! Если я прикажу стрѣлять,—стрѣляй, колоть,—коли, бить прикладомъ,—такъ бей. Я надѣюсь, что вы окажетесь такими же молодцами, какими показали себя на послѣднемъ смотру учебной команды. Направо, на плечо, шагомъ маршъ!

Прошли по нѣсколькимъ улицамъ Петрограда и снова подошли къ подъѣзду батальонной канцеляріи. Штабсъ-капитанъ Мошкинъ 2-ой остановился, поблагодарилъ солдатъ и отпустилъ въ казармы. Ночь прошла спокойно.

Въ 8 часовъ утра 25-го февраля было приказано 2-й ротѣ учебной команды построиться около подъѣзда батальонной канцеляріи. Вышелъ капитанъ Мошкинъ 1-ый и обратился къ людямъ съ нѣсколькими словами, просилъ выказать себя молодцами, а затѣмъ повелъ роту на Знаменскую площадь.

Два взвода размѣстились опять въ домѣ № 37 по Лиговской улицѣ, въ дворницкой, съ грязными китайцами, другіе два взвода помѣстились въ дворницкой подъ Большой Сѣверной гостиницей. Первая рота учебной команды осталась въ казармахъ, одѣтая на случай экстреннаго вызова.

На Знаменскую площадь были высланы два дозора по 5 человѣкъ; имъ было приказано не допускать сборища на Знаменской площади и, въ случаѣ неповиновенія толпы, пускать въ дѣло оружіе, но не стрѣлять.

Кирпичниковъ и взводные съ отдѣленными внушали людямъ, чтобы они не стрѣляли, а убѣждали толпу словами. Дозоры вскорѣ донесли Мошкину, что къ Знаменской площади движется огромная толпа съ красными флагами. Узнавъ объ этомъ, Мошкинъ прислалъ офицеровъ: въ 1-ю полуроту прапорщика Воронцова, во 2-ю прапорщика Кандыбу. Офицеры повели полуроты на Знаменскую площадь и построили людей около Сѣверной гостиницы.

Многочисленная толпа остановилась у памятника Александру III-му. Начались рѣчи. Два оратора закончили свои рѣчи, вышелъ третій. Въ это время одинъ солдатъ-ученикъ учебной команды сказалъ Кирпичникову:

— Господинъ фельдфебель, опять выходитъ.

— Молчи, чортъ тебя возьми,—отвѣтилъ ему тихо Кирпичниковъ.

Этотъ разговоръ услышалъ прапорщикъ Воронцовъ и тотчасъ воскликнулъ:

— Это безобразіе, это недопустимо!

И ушелъ съ докладомъ къ Мошкину.

Кирпичниковъ же быстро созвалъ къ себѣ взводныхъ командировъ и сказалъ, что имъ надо внушить людямъ, чтобы они имѣли голову на плечахъ, т. е. больше бы думали о томъ, что творится вокругъ и какъ теперь поступать.

Взводные разошлись по своимъ взводамъ и передали это людямъ. Но вотъ вышелъ изъ Сѣверной гостиницы капитанъ Мошкинъ 1-й, вмѣстѣ съ прапорщикомъ Воронцовымъ, и приказалъ 1-му взводу разогнать толпу. Прапорщикъ Воронцовъ сейчасъ же выразилъ желаніе идти съ 1-мъ взводомъ и подошелъ къ людямъ. Взводный командиръ, мл. унтеръ-офицеръ Карпичковъ, услышавъ, что 1-му взводу приказано дѣйствовать, сказалъ тихонько солдатамъ, чтобы они больше слушали его, а не офицера, и подумали бы о томъ, что имъ предстоитъ сдѣлать.

Воронцовъ шелъ впереди, шагахъ въ семи отъ взвода. Въ это время взводный Карпичковъ выбѣжалъ впередъ фронта и незамѣтно для офицера приказалъ людямъ, чтобы они, дойдя до толпы, повернулись направо и прошли бы рядомъ черезъ толпу. Солдаты исполнили распоряженіе взводнаго, и толпа разступилась, дала дорогу солдатамъ и кричала „ура, волынцы!“

Но все-же это первое движеніе солдатъ на народъ произвело большое впечатлѣніе, многіе бросились бѣжать, и толпа значительно порѣдѣла. Въ это время ст. унтеръ-офицеръ Кирпичниковъ, стоявшій около 2-й полуроты, старался удержать разбѣгавшійся народъ и говорилъ:

— Зачѣмъ же вы тогда сюда собрались, если вы такіе трусы? Сидѣли бы лучше у себя на квартирѣ.

Взводные, отдѣленные и солдаты тоже удерживали людей. Ободренная публика стала близко подходить къ солдатамъ и спрашивала:

— Неужели вы будете стрѣлять по своимъ братьямъ?

Солдаты потихоньку отвѣчали, что стрѣлять не будутъ.

Офицеры, видя, что народъ сближается съ солдатами, приказывали отгонять толпу отъ строя. Когда взводный Карпичковъ прошелъ со взводомъ черезъ толпу и взводъ остановился за толпой у Николаевскаго вокзала, къ Карпичкову подошелъ прапорщикъ Воронцовъ и спросилъ, почему взводъ шелъ не развернутымъ строемъ, а рядами. Взводный отвѣтилъ, что развернутымъ фронтомъ нельзя было пройти, т. к. была большая толпа и солдаты разсѣялись бы по одиночкѣ и затерялись бы въ толпѣ.

Послѣ этого прапорщикъ Воронцовъ построилъ взводъ развернутымъ фронтомъ и, строго приказавъ слушать его команду, снова повелъ взводъ на толпу. Толпа опять дала дорогу солдатамъ, и они, придя обратно къ Сѣверной гостиницѣ, остались на своемъ прежнемъ мѣстѣ, а толпа сдвинулась, и ораторы продолжали свои рѣчи, стоя на перилахъ около памятника.

Вдругъ въ это время прискакали конные городовые съ Гончарной улицы и начали нагайками бить народъ.

Тутъ раздались выстрѣлы изъ толпы, которыми были убиты: приставъ, полицмейстеръ и городовой, а взводъ казаковъ, прибывшій на площадь, увидя, что городовые бьютъ народъ, быстро пустился на нихъ и угналъ полицію обратно на Гончарную. Послѣ этого публика опять стала сходиться на площади и продолжать свое дѣло.

Въ это время подъѣхалъ къ Сѣверной гостиницѣ полковникъ Висковскій; увидя толпу съ красными флагами, онъ закричалъ:

— Капитанъ Мошкинъ, что это за безобразіе, до чего вы допустили?! Моментально разогнать толпу и отнять флаги!..

Мошкинъ отказался это сдѣлать и сказалъ, что тутъ есть казаки, которымъ легче это сдѣлать, нежели пѣхотѣ. Послѣ этого Висковскій ушелъ къ казачьему офицеру и сказалъ ему:

— Это недопустимо, такая толпа, прошу васъ отобрать флаги и разогнать толпу.

На это казачій офицеръ отвѣтилъ:

— Если вамъ нужно, такъ отбирайте сами, а я не буду этого дѣлать.

Висковскій очень взволновался и, подбѣжавъ къ капитану Мошкину, закричалъ:

— Капитанъ Мошкинъ, капитанъ Мошкинъ, сейчасъ же отобрать мнѣ флаги, назначить взводъ и взять на руку!!

Капитанъ Мошкинъ приказалъ 1-му взводу взять на плечо и отобрать флаги, идя развернутымъ фронтомъ на толпу. Въ это время подбѣжалъ къ капитану Мошкину прапорщикъ Воронцовъ и просилъ разрѣшенія идти со взводомъ отбирать флаги. Мошкинъ разрѣшилъ. Воронцовъ скомандовалъ «на плечо». Толпа стояла шагахъ въ пятидесяти отъ солдатъ. Солдаты двинулись, имѣя ружья на плечо. Увидя это, Висковскій закричалъ:

— Прапорщикъ Воронцовъ, возьмите на руку!

Воронцовъ скомандовалъ: «на руку». Солдаты исполнили команду офицера, только одинъ взводный оставилъ винтовку на плечѣ и сказалъ находившимся вблизи солдатамъ:

— Думайте, зачѣмъ идете, не надо выполнять то, что приказываютъ.

Правый флангъ слышалъ слова взводнаго. Толпа, видя, что солдаты взяли на руку, закричала:

— Что вы, солдаты, дѣлаете! Неужели будете бить своихъ братьевъ?—затѣмъ кричала «ура».

Въ это время взводъ подошелъ къ толпѣ, но народъ, довѣряя солдатамъ, не уходитъ съ мѣста.

Солдаты подошли вплотную къ толпѣ и уперлись штыками въ груди людей, но не кололи. Нѣкоторые люди стояли спокойно, а иные хватались за штыки руками, но не старались вырывать винтовки, а только кричали «ура!» Въ эту минуту взводъ разорвался на нѣсколько частей. Правый флангъ со взводнымъ Кирпичковымъ прошелъ сквозь толпу, а лѣвый флангъ, во главѣ съ прапорщикомъ Воронцовымъ, желая вырвать красный флагъ, бросился впередъ по направленію флага.

Флагъ стоялъ за оградой памятника, и прапорщикъ Воронцовъ, стремясь впередъ, наткнулся на эту ограду и упалъ.

Въ этотъ моментъ человѣкъ, державшій флагъ, хотѣлъ ударить Воронцова шашкой, отобранной толпою у одного изъ убитыхъ полицейскихъ. Онъ уже замахнулся, но солдатъ Кейсъ успѣлъ подставить прикладъ, и шашка выпала изъ руки революціонера и безсильно упала на Воронцова.

Воронцовъ всталъ и началъ вырывать флагъ; солдаты энергично помогли ему въ этомъ и, сорвавъ съ древка еще одинъ флагъ, стали съ этой добычей возвращаться назадъ. Толпа двинулась за уходившими, прося возвратить ей флаги. Взводный Карпичковъ въ это время со своими людьми пристроился къ лѣвому флангу, но когда онъ проходилъ сквозь толпу назадъ къ Сѣверной гостиницѣ, то отъ него отсталъ отдѣленный командиръ, ефр. Семенецъ, котораго окружила толпа и хотѣла отнять у него винтовку или забрать его къ себѣ вмѣстѣ съ винтовкой.

Народъ затѣмъ сталъ спрашивать Семенца, будетъ ли онъ стрѣлять; тотъ сказалъ, что не будетъ, и его отпустили. На просьбы толпы отдать флагъ, солдаты отвѣчали, что они находятся у офицеровъ, а офицеры не хотѣли возвратить флаги и просили народъ расходиться.

Въ это время изъ толпы вышелъ какой-то безрукій студентъ и прямо сказалъ:

— Дѣлай, что хочешь, бей, стрѣляй, а я не уйду отсюда, мы съ тобой сидѣли на одной партѣ, а ты хочешь въ меня стрѣлять, стрѣляй!

Кочура угрюмо молчалъ. Одинъ изъ флаговъ находился у солдата Панченка, толпа это замѣтила и просила его отдать флагъ. Но взводный Карпичковъ взялъ флагъ у Панченка и успокоилъ народъ, сказавъ, что сейчасъ въ присутствіи офицеровъ нельзя отдать флаги, а надо немного обождать. Флагъ былъ спрятанъ Карпичковымъ въ карманъ и потомъ сданъ Воронцову, а послѣдній передалъ его кап. Мошкину, такъ какъ въ присутствіи офицеровъ отдать флагъ толпѣ было невозможно.

Между тѣмъ толпа стала выражать недовольство офицерами и требовала хлѣба. Послышались оскорбительные возгласы по адресу офицеровъ. Полковникъ Висковскій приказалъ арестовать одного студента и закричалъ: „лови его ребята, лови, лови“.

Солдаты побѣжали, но не поймали указаннаго командиромъ человѣка. Послѣ этого Воронцовъ бросился за кѣмъ-то вправо, нѣкоторые солдаты послѣдовали за нимъ, но взводные

Зайцевъ и Карпичковъ удерживали солдатъ, говоря: «куда вы, стойте, не торопись».!

Въ это время толпа сшибла было съ ногъ Воронцова, но нѣкоторые изъ солдатъ все-же не утерпѣли и устремились его выручать. На помощь Воронцову бросились и нѣкоторые офицеры. Поручикъ Фоссъ-Шрадеръ съ револьверомъ въ рукѣ подбѣжалъ однимъ изъ первыхъ на мѣсто происшествія, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда какая-то курсистка трепала Воронцова за ремни его снаряженья и, громко крича, требовала возвратить революціонное красное знамя.

Когда появился передъ ней пор. Фоссъ-Шрадеръ съ револьверомъ, она оставила Воронцова и, обратившись къ Ф. Ш—ру, подставила свою грудь и сказала:

— Хотите стрѣлять, такъ стрѣляйте, вотъ вамъ моя грудь.

Ф.-Ш-ръ не сталъ стрѣлять, а заявилъ, что онъ лишь хочетъ выручить товарища. Между тѣмъ, при содѣйствіи солдатъ и офицеровъ Воронцову удалось освободиться изъ рукъ возбужденной толпы.

Послѣ этого въ толпѣ стали ораторы говорить рѣчи, но не было слышно, что они говорили, вслѣдствіе дальности разстоянія и шума. Затѣмъ народъ опять сталъ требовать хлѣба и выражать свое недовольство офицерами, на что кап. Мошкинъ, почти всегда находившійся въ нетрезвомъ видѣ и, конечно, не преминувшій выпить и сегодня, отвѣчалъ народу грубѣйшей площадной бранью.

Вскорѣ толпа понемногу стала расходиться, т. к. уже наступалъ вечеръ. Черезъ нѣкоторое время пришелъ солдатъ Глинкинъ изъ казармы и разсказалъ, что начальникъ учебной команды, штабсъ-капитанъ Лашкевичъ, приказалъ оставшейся въ казармѣ 1 ротѣ учебной команды построиться и говорилъ ей, что 2-я рота на Знаменской сегодня дѣйствуетъ отвратительно, что солдаты не могутъ даже выручить своего офицера, котораго бьютъ революціонеры. Объ этомъ, повидимому, разсказалъ Лашкевичу вернувшійся въ казармы Фоссъ-Шрадеръ.

Лашкевичъ былъ очень раздраженъ. Какъ только онъ вошелъ въ помѣщеніе учебной команды, разсказывалъ Глинкинъ, его сейчасъ же встрѣтилъ съ рапортомъ дежурный мл. унт.-оф. Борисовъ. Лашкевичъ рапорта не принялъ, а грубо сказалъ:

— Ты такая же сволочь, какъ и они, тамъ на улицѣ, а пока вотъ тебѣ 4 наряда на дежурство.

Сказавъ это, Лашкевичъ прошелъ въ канцелярію и вскорѣ вызвалъ туда же дежурнаго Борисова.

— Вотъ, смотри. ты теперь сталъ и ногу приставлять иначе, когда съ тобой обратишься по-свойски. Черезъ 20 минутъ построить роту въ средней образной и доложить мнѣ, когда будетъ построена, да поставить въ строй и всѣхъ нестроевыхъ.

Черезъ нѣкоторое время Лашкевичъ сталъ обходить казармы, чтобы посмотрѣть, не остался ли кто внѣ строя. На одной изъ коекъ онъ увидѣлъ спящаго ефрейтора Шарапова, только что смѣнившагося съ дежурства. Не говоря ни слова, Лашкевичъ схватилъ Шарапова за ноги и, сбросивъ его на полъ, сказалъ: «Что ты тутъ спишь?»

Шараповъ заявилъ, что онъ только что смѣнился съ дежурства. Лашкевичъ приказалъ ему одѣваться и самъ быстро пошелъ вслѣдъ. Войдя въ образную, начальникъ команды сталъ держать рѣчь къ солдатамъ, въ которой, описавъ сначала позорныя, по его мнѣнію, дѣйствія 2-й роты на Знаменской площади, сталъ говорить о томъ, что теперь померкла былая слава Волынскаго полка, которую добывали прадѣды, дѣды и отцы, что сегодня узнаетъ объ этомъ градоначальникъ, завтра военный министръ, а послѣзавтра государь императоръ.

Затѣмъ онъ прошелся нѣсколько разъ передъ строемъ и сказалъ:

— Къ счастью, я самъ не видѣлъ этого позора, а мнѣ передали другіе; хотѣлось бы думать, что все это вышло по неопытности, по недоразумѣнію. Я хочу, чтобы при первомъ же представившемся случаѣ вы загладили это пятно. Я думаю, что вы со мной согласны, не такъ ли?

Солдаты молчали.

— Молчите, слѣдовательно, я ошибаюсь.—добавилъ онъ и вышелъ, приказавъ подпрапорщику Лукину распустить людей.

На Знаменской площади 2-я рота учебной команды оставалась еще довольно долго. Когда уже настала ночь, солдатъ отвели въ казармы. 1-й роты въ это время въ казармѣ не было, она была куда-то экстренно вызвана и ушла съ Лашкевичемъ во главѣ. Вернувшись въ казармы, солдаты 2-й роты легли спать, а Кирпичниковъ дождался прихода 1-й роты и, встрѣтивъ взводныхъ 1-й роты, рѣшилъ съ ними поговорить.

— Ну, какъ дѣла?—спросилъ одинъ взводный Кирпичникова.

— Было дѣло.—отвѣтилъ Кирпичниковъ.—а вамъ, навѣрное, завтра придется идти; посмотримъ, какъ будете дѣйствовать.

Всѣмъ хотѣлось спать, и нѣкоторые изъ начальствующихъ лицъ разошлись по своимъ койкамъ. Кирпичниковъ прошелъ на свое мѣсто и сталъ здѣсь продолжать разговоръ съ Марковымъ и Козловымъ, койки которыхъ находились рядомъ.

Марковъ и Козловъ уговаривали Кирпичникова перейти на сторону народа, онъ быстро рѣшился это сдѣлать и далъ клятву передъ иконой, что будетъ стоять за народъ. Вскорѣ послѣ этого Козловъ и Марковъ заснули. Вся учебная команда теперь въ казармѣ отсутствовала, карауля пересыльную тюрьму. Одинъ взводъ былъ вызванъ еще въ 7 часовъ вечера подъ командой унтеръ-офицера Дреничева во второй Литейный участокъ въ распоряженіе пристава, который подвелъ взводъ къ одному частному дому и, когда солдаты по его указанію заняли парадную и черную лѣстницы, приказалъ имъ никого не выпускать изъ одной квартиры этого дома.

Солдаты остались на лѣстницѣ, а Дреничевъ вмѣстѣ со своими отдѣленными вошли съ обоихъ входовъ въ квартиру. Въ гостиной за большимъ столомъ сидѣли 37 мужчинъ и одна молодая женщина; у нихъ на столѣ была бумага, и они что-то писали и обсуждали. Когда вошли полицейскіе съ солдатами, эти люди, повидимому, не смутились и продолжали свою работу.

Приставъ спросилъ, что это за собраніе и кто у нихъ предсѣдатель. Одинъ изъ присутствующихъ послѣ этого вопроса пристава назвалъ свою фамилію и сказалъ, что они всѣ собрались по приглашенію г-на Терещенко. Послѣ этого приставъ сѣлъ за столъ и сталъ составлять протоколъ. Составивъ его, приставъ просилъ всѣхъ участниковъ собранія сообщить свои фамилія и адреса, что и было тотчасъ же исполнено. Затѣмъ приставъ, прочитавъ протоколъ, объявилъ, что именемъ закона онъ арестовываетъ все это собраніе и проситъ всѣхъ слѣдовать въ полицейскій участокъ. Но присутствующіе рѣшительно отказались это сдѣлать, а предсѣдатель сталъ звонить по телефону къ Терещенко. Послѣдній обѣщалъ немедленно пріѣхать.

Дѣйствительно, онъ вскорѣ явился и прежде всего спросилъ пристава, почему онъ арестовываетъ это собраніе.

— Люди собрались по моему приглашенію,—сказалъ Терещенко,—и обсуждаютъ свои личныя дѣла. Вы не можете ихъ арестовывать, а если хотите, то арестуйте меня.

Приставъ отказался арестовать Терещенко, но послѣдній заявилъ, что онъ все равно пойдетъ въ участокъ вмѣстѣ со

своими знакомыми. Всѣ собрались уже идти въ участокъ, но въ это время явился подпоручикъ Ляхъ (молдаванинъ по происхожденію). Ляха со взводомъ пулеметчиковъ прислалъ Лашкевичъ, у котораго приставъ успѣлъ по телефону попросить усиленія конвоя для арестованныхъ.

Явившись въ квартиру, Ляхъ грубо закричалъ на всѣхъ присутствующихъ и послѣ этого всѣ отказались было идти на улицу, говоря, что солдаты будутъ въ нихъ стрѣлять.

Терещенко, однако, успокоилъ ихъ, говоря, что стрѣльбы ни подъ какимъ видомъ не будетъ. Арестованные, наконецъ, вышли на улицу. Солдаты хотѣли окружить ихъ и вести подъ конвоемъ, но они желали идти безъ конвоя; однако, Ляхъ настоялъ, чтобы шли подъ конвоемъ. Дорогой арестованные разговаривали съ солдатами и говорили имъ, что они стоятъ только за солдатъ и за народъ, просили не стрѣлять въ толпу, и солдаты обѣщались не стрѣлять. Въ участкѣ, послѣ удостовѣренія личностей, всѣхъ арестованныхъ отпустили по домамъ. Всѣ разошлись, а Терещенко и предсѣдатель собранія нѣсколько задержались и разговаривали съ подпоручикомъ Ляхомъ.

Ляхъ сталъ хвалить одного изъ своихъ солдатъ-пулеметчиковъ, отличившагося на войнѣ. Во время этого разговора, Терещенко спросилъ Ляха, былъ ли онъ на войнѣ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, Терещенко сказалъ Ляху:

— Я вскорѣ поѣду, господинъ офицеръ, на фронтъ и разскажу, что вы тутъ дѣлаете.

Вскорѣ послѣ этого Ляхъ увелъ свою команду, а Дреничевъ тоже ушелъ со своимъ взводомъ въ казарму и, придя домой, люди скоро легли спать.

Ночь прошла спокойно. 26 февраля, въ 7 часовъ утра, Лашкевичъ приказалъ по телефону обѣимъ ротамъ построиться. Въ это время подпоручикъ Лукинъ сказался больнымъ и даже ушелъ въ околотокъ. Лукина замѣнилъ ст. унт.-оф. Зайцевъ. Вскорѣ пришли офицеры. Лашкевичъ принялъ командованіе 1-й ротой, а Терещенко принялъ команду надъ 2-й ротой. Вышли со двора и 1-я рота подъ командою Лашкевича пришла на Знаменскую площадь, а Пересленинъ занялъ выходъ съ Николаевской улицы на Невскій и сталъ высылать дозоры по Невскому.

Было приказано никого не пускать съ Николаевской на Невскій проспектъ. Здѣсь особенныхъ дѣйствій не было. Публика сдѣлала попытки пройти на Невскій, но солдаты ее уго-

варивали, а штабсъ-капитанъ Переслегинъ держалъ себя очень вѣжливо и старался не вызывать ссоры и брани съ народомъ.

Но 1-й ротѣ 26-го февраля пришлось тяжело на Знаменской площади. Лашкевичъ 1-ую полуроту поручилъ прапорщику Воронцову, а 2-ую прапорщику Кочурѣ. Воронцовъ сначала ввелъ своихъ людей въ дворницкую подъ Сѣверной гостиницей, а 2-я полурота размѣстилась въ домѣ № 32 по Литовской ул. Прапорщикъ Кочура приказалъ выслать дозоръ (10 человѣкъ) подъ командой ефрейтора Кирѣева. Взводный Конюховъ передъ выходомъ дозора сказалъ Кирѣеву, чтобы онъ хорошенько думалъ и дѣйствовалъ по своему соображенію.

Вскорѣ, обойдя участокъ, Кирѣевъ вернулся, и ему на смѣну былъ высланъ другой дозоръ. Прапорщикъ Кочура приказалъ взводному Бродникову занять со взводомъ уголъ Невскаго проспекта, около церкви Знаменія, и противолежащій уголъ около дома № 83. Бродниковъ поставилъ взводъ на мѣста, но вскорѣ вышелъ изъ Сѣверной гостиницы Лашкевичъ и приказалъ какъ можно рѣшительнѣе дѣйствовать и не допускать никакого скопленія на площади и на улицахъ Невскаго.

Взводный просилъ публику войти въ положеніе солдатъ и не выходить на площадь. Замѣтивъ ласковое обращеніе взводнаго и солдатъ съ народомъ, Лашкевичъ подозвалъ Бродникова къ себѣ и сказалъ:

— Если ты будешь такъ обходиться съ народомъ, то я поступлю съ тобой, какъ поваръ съ картошкой.

Выслушавъ выговоръ начальника команды, Бродниковъ пошелъ къ своему взводу и въ это время вдругъ раздалась стрѣльба изъ пулемета отъ Литейнаго проспекта къ Знаменской площади. Кто стрѣлялъ, неизвѣстно.

Сдѣлавъ очереди три, пулеметы смолкли. Раненыхъ и убитыхъ не было, но народъ, очевидно, испугался пулемета, такъ какъ на площади людей почти не стало. Какъ только началась стрѣльба изъ пулемета, Бродниковъ снялъ свой взводъ и увелъ его въ домъ № 32. Черезъ нѣкоторое время, когда стрѣльба прекратилась, Лашкевичъ опять приказалъ выслать дозоръ. За начальника дозора пошелъ Кирѣевъ. Ему было приказано людей не задерживать, а только не давать имъ останавливаться на Знаменской площади. Дозорные вѣжливо просили публику не останавливаться. Нѣкоторые прохожіе говорили солдатамъ:

— Вы все получаете, а намъ ѣсть нечего, и вы еще не позволяете намъ обсуждать все это между собой!

Въ отвѣтъ на это дозорные, т. е. солдаты, указывали на

свое зависимое положеніе и говорили, что начальство ихъ разстрѣляетъ, если они не будутъ исполнять его приказаній. Подобные разговоры вела публика съ дозорными солдатами и на Невскомъ, когда прапорщикъ Колоколовъ разсыпалъ цѣпью человѣкъ 20 дозорныхъ и провелъ ихъ сквозь толпу отъ Николаевской до Надеждинской улицъ. Мл. унтеръ-офицеръ Скарюкинъ и ефрейторъ Гуляевъ предупреждали Колоколова о томъ, что такое хожденіе будетъ безполезно, что 20 человѣкъ солдатъ не могутъ разогнать тысячную толпу.

Колоколовъ, однако, не обратилъ вниманія на увѣщанія этихъ начальствующихъ лицъ; но когда двинулась цѣпь впередъ, солдаты быстро были окружены толпою, народъ сталъ просить солдатъ поддержки, говоря, что вся теперь надежда на солдатъ. А нѣкоторые съ озлобленіемъ говорили, что это— не солдаты, а волонтеры, совсѣмъ не понимаютъ народной жизни.

Дозоры на Знаменскую площадь высылались и отъ 1-й полуроты, размѣщенной въ дворницкой подъ Сѣверной гостинницей. Начальникомъ перваго дозора былъ ефрейторъ Сисковъ, который убѣдительно упрашивалъ публику не собираться на площади.

Черезъ часъ Сискова смѣнилъ ефрейторъ Ильинъ. Ему было приказано не допускать даже трехъ человѣкъ останавливаться на площади. Сначала Ильину удавалось поддерживать порядокъ на площади, но когда люди стали собираться кучками, человѣкъ по 20, дозору, состоявшему всего изъ 6-ти человѣкъ, невозможно стало прекратить скопленіе народа, и ефрейторъ Ильинъ, видя безполезность своихъ стараній, пересталъ разгонять народъ.

Лашкевичъ, замѣтивъ это изъ окна Сѣверной гостинницы, вышелъ на площадь и спросилъ Ильина, почему онъ не разгоняетъ толпу. Ильинъ отвѣтилъ, что съ 6-ью человѣками теперь ничего нельзя сдѣлать, и просилъ замѣнить его другимъ начальникомъ.

— Если не замѣните, я все равно не буду разгонять, такъ какъ не въ силахъ это дѣлать,—добавилъ Ильинъ.

Лашкевичъ началъ было ругаться, но видя, что вокругъ собирается толпа, ушелъ обратно въ гостинницу. Минутъ черезъ 10 Лашкевичъ прислалъ вѣстового и потребовалъ къ себѣ въ билліардную комнату ефрейтора Ильина. Когда Ильинъ вошелъ, Лашкевичъ набросился на него съ площадной бранью и, объявивъ, что онъ арестованъ, послалъ вѣстового за Кирпичниковымъ.

Кирпичниковъ пришелъ, и Лашкевичъ приказалъ ему отвести Ильина въ дворницкую и установить за нимъ надзоръ. Кирпичниковъ повелъ Ильина, но не успѣли они еще дойти до дворницкой, какъ ихъ догналъ вѣстовой и велѣлъ Ильину вернуться. Когда Ильинъ снова входилъ въ билліардную, тутъ былъ, кромѣ Лашкевича, еще командиръ батальона, полковникъ Висковскій, который также прежде всего набросился на Ильина съ площадной бранью и потомъ сказалъ ему:

— Намъ такихъ начальниковъ, какъ ты, не нужно, сейчасъ-же сорвать нашивки, а когда ты снова будешь хорошимъ начальникомъ, то опять, быть можетъ, получишь.

Лашкевичъ заступился теперь немного за Ильина и сказалъ командиру, что до сего дня Ильинъ былъ хорошимъ солдатомъ и завтра же онъ, конечно, исправится. Послѣ этого позвалъ Кирпичникова, и ему было приказано отвести Ильина въ дворницкую и никуда его не назначать. Придя въ дворницкую, Ильинъ сейчасъ же попросилъ одного изъ товарищей сорвать съ него ефрейторскія нашивки.

Между тѣмъ Лашкевичъ приказалъ выслать на Знаменскую площадь новые дозоры изъ 14-ти человѣкъ при старшемъ ефрейторѣ Сѣроглазовѣ. Когда Сѣроглазовъ выходилъ съ дозоромъ на площадь, Лашкевичъ, стоявшій около Сѣверной гостиницы, подозвалъ его къ себѣ и приказалъ, чтобы на Знаменской площади не было ни одного человѣка.

— Если народъ не будетъ исполнять требованій, то пусти въ дѣло оружіе, но не стрѣляй. Все это передай людямъ дозора и дѣйствуй какъ можно энергичнѣе,—добавилъ онъ и отпустилъ Сѣроглазова.

Было уже около двухъ часовъ дня. Толпа на площади все прибывала. Сѣроглазовъ объявилъ солдатамъ приказъ Лашкевича, но разъяснилъ имъ, что это приказаніе не слѣдуетъ исполнять вполнѣ, а какъ можно больше надо дѣйствовать словами:

— Если будетъ крайняя необходимость и положеніе станетъ безвыходнымъ, то лучше дозору уйти куда-нибудь за уголъ отъ глазъ начальства, а бить своихъ же братьевъ не слѣдуетъ!

Сѣроглазову данъ былъ участокъ отъ угла церкви Знаменія до угла противоположнаго дома № 80 и до памятника Александру III; на этомъ участкѣ никто не долженъ останавливаться. Между тѣмъ толпа народа со всѣхъ прилегающихъ къ Знаменской площади улицъ стремилась на площадь, стараясь слиться у памятника. Сѣроглазовъ сталъ разставлять небольшими группами (по 3—4 чел.) насвоемъ участкѣ.

Въ это время къ нему подбѣжалъ прапорщикъ Воронцовъ и приказалъ съ Невскаго и съ Лиговской никого не пропускать ни съ площади, ни на площадь. Толпа все прибывала. Исполнить приказаніе было очень трудно, и люди дозора, т. е. солдаты, понемногу разошлись.

Увидѣвъ это, Воронцовъ подбѣжалъ къ Сѣроглазову, сталъ его ругать за то, что дозоръ разошелся, и грозилъ строгимъ арестомъ. Вскорѣ Сѣроглазовъ увидѣлъ на площади взводнаго ст. унт-офицера Козлова и попросилъ его выслать новый дозоръ, чтобы выручить его, т. е. Сѣроглазова, изъ бѣды. Но въ это время послышались выстрѣлы и послѣдовало приказаніе снять дозоръ. Стрѣлялъ взводъ мл. унт.-офицера Дреничева. Его вывелъ на площадь прапорщикъ Воронцовъ, построилъ развернутымъ фронтомъ на Гончарную улицу и сказалъ Дреничеву, что сейчасъ придется открыть огонь по толпѣ.

Дреничевъ отвѣтилъ ему, что стрѣлять не нужно, такъ какъ публика на насъ не ползетъ. Воронцовъ, однако, приказалъ горнисту играть сигналъ къ стрѣльбѣ, а народъ, поднявъ руки вверхъ, устремился на солдатъ.

Толпа подошла совсѣмъ близко, шаговъ 10 или 13 было до нея. Воронцовъ, видя это, крикнулъ: «стрѣлять буду» и велѣлъ горнисту играть второй разъ, но толпа не испугалась и кричала:

— Неужели вы, братцы, будете въ насъ стрѣлять?

Послѣ этого Воронцовъ приказалъ людямъ взять на изготовку и люди приготовились къ стрѣльбѣ. Въ этотъ моментъ подошелъ полковникъ Висковскій и сказалъ:

— Прапорщикъ Воронцовъ, можно открыть огонь.

Дреничевъ и отдѣленный Слизкоухій говорили людямъ, чтобы они стрѣляли вверхъ. Воронцовъ, видя, что начальствующія лица шепчутся съ солдатами, поставилъ въ строй взводнаго и отдѣленнаго. Послѣ этого былъ открытъ огонь.

Солдаты стрѣляли, но взводный и отдѣленный воздержались отъ стрѣльбы. Увидѣвъ это, Воронцовъ вырвалъ винтовку изъ рукъ сол. Павлова и самъ сталъ стрѣлять въ толпу. Толпа быстро порѣдѣла, народъ сталъ разбѣгаться и прижиматься къ стѣнамъ домовъ. Въ дома войти было нельзя, такъ какъ ворота и подъѣзды вездѣ были заперты.

Между тѣмъ, Висковскій ушелъ, а на смѣну ему явился Лашкевичъ, которому Воронцовъ тотчасъ же доложилъ, что ефрейторъ Слизкоухій не хочетъ стрѣлять. Лашкевичъ на это сказалъ: «скомандуйте всему взводу, а я буду смотрѣть, кто стрѣляетъ и кто не стрѣляетъ». Воронцовъ подалъ команду.

Солдаты дали два залпа. Послѣ того Лашкевичъ приказалъ Слизкоухому выйти изъ строя, вынулъ свой револьверъ и сказалъ Воронцову:

— У васъ онъ не стрѣлялъ, а у меня будетъ стрѣлять,—и приказалъ Слизкоухому стрѣлять въ людей, прижимавшихся къ стѣнамъ домовъ. Слизкоухій подъ угрозой Лашкевича два раза выстрѣлилъ. Послѣ этого Лашкевичъ велѣлъ ефрейтору Слизкоухому стать въ строй и сказалъ:

— Я на тебя надѣялся, какъ на себя, а ты такъ себя маранешь. Дреничевъ, почему ты не смотришь за нимъ, ты долженъ заставить его. Значитъ и ты такъ же, какъ онъ!

Послѣ того Лашкевичъ ушелъ въ Сѣверную гостиницу, а взводъ остался еще на Гончарной. На этой улицѣ было много убитыхъ и раненыхъ и санитарные автомобили увозили ихъ въ Рождественскіе бараки. При видѣ всего этого, сердца многихъ солдатъ исполнились жалостью и состраданіемъ.

Рядовой Иванъ Вороненко наконецъ не выдержалъ и, пренебрегая гнѣвомъ начальства, спросилъ у Воронцова разрѣшенія подобрать раненую дѣвушку, ей было на видъ лѣтъ 17. Она лежала на панели и плакала. Жестокій Воронцовъ противъ ожиданія разрѣшилъ убрать раненую, и Вороненко, вмѣстѣ съ какимъ-то солдатомъ, перенесъ бѣдняжку въ пріемный покой Николаевскаго вокзала.

Дѣвушка была ранена въ ногу; она горько плакала и говорила, что мать послала ее за хлѣбомъ и вотъ какое несчастье ее постигло. На вокзалѣ рядового Вороненко окружила толпа, которая кричала:

— Зачѣмъ вы стрѣляли?

Вороненко отвѣтилъ, что они, солдаты, стараются стрѣлять вверхъ, а люди получили ранения отъ другой стрѣльбы, такъ какъ кто-то стрѣляетъ помимо ихъ.

Удовлетворившись этимъ объясненіемъ, народъ отпустилъ Вороненко къ своимъ. Рядовой Вороненко присоединился къ своему взводу.

Черезъ нѣкоторое время пришелъ Кирпичниковъ; ему разсказали, что тутъ творилось. Затѣмъ солдаты стали просить Кирпичникова, чтобы онъ прислалъ имъ смѣну, говоря, что стоять холодно и надо обогрѣться. Кирпичниковъ обѣщалъ выслать смѣну и ушелъ. Наступилъ вечеръ.

Часовъ около пяти на смѣну Дреничеву пришелъ ефрейторъ Некрасовъ, имѣя 8 человѣкъ людей. Воронцовъ поставилъ ихъ на то же мѣсто, гдѣ стояли солдаты Дреничева, и вскорѣ приказалъ горнисту играть сигналъ къ стрѣльбѣ, т. к.

въ концѣ Гончарной опять сталъ собираться народъ. Огонь теперь не открывали, т. к. толпа, услышавъ сигналъ, быстро скрылась въ поперечныхъ улицахъ. Иногда Воронцовъ отходилъ на сосѣднюю улицу (Старо Невскій) и, пользуясь его отсутствіемъ, ефрейторъ Карасевъ уговаривалъ солдатъ не стрѣлять. Они отвѣчали ему сочувственно. Между тѣмъ стало совсѣмъ темнѣть.

Однако, на Гончарной опять стала собираться толпа. Видя это, Воронцовъ приказалъ солдатамъ изготовиться для стрѣльбы съ колѣна. Данъ былъ сигналъ, но толпа опять разбѣжалась, и стрѣльбы не было. Около 7 часовъ вечера пришла смѣна Карасеву, и онъ со своими людьми ушелъ въ дворницкую. Солдаты, находившіеся здѣсь, были въ возбужденномъ состояніи. Возбужденіе, уныніе и досада царили и среди тѣхъ людей, которые находились въ домѣ № 37 по Лиговской улицѣ. Здѣсь есть кочегарка, отапливающая церковь. Въ ней размѣстился со своими солдатами взводный Конюковъ.

Къ нему приходилъ Кирпичниковъ и подробно разсказалъ, какъ Ильину сбросили нашивки и какъ началась стрѣльба.

— Теперь я не могу смотрѣть на людей,—сказалъ Кирпичниковъ,—мы опозорены, хоть не выходи на улицу, народъ на насъ очень озлобленъ.

Мл. унт.-оф Бродниковъ отвѣтилъ на это Кирпичникову:

— Разъ ужъ дѣло стоитъ такъ, то намъ надо или крѣпче держаться стараго, или же примкнуть къ народу.

Солдаты задумались. Здѣсь же находился старикъ-кочегаръ, который, выслушавъ все это, сказалъ:

— Братцы, теперь я вижу, что у насъ будетъ согласіе.

Такъ бесѣдовали солдаты, а кочегаръ угощалъ ихъ чаемъ съ сахаромъ. Вскорѣ пришелъ вѣстовой и передалъ приказаніе выслать дозоръ. Затѣмъ пришелъ второй посланецъ и сказалъ, чтобы Кирпичниковъ немедленно явился къ Лашкевичу. Кирпичниковъ ушелъ, а Конюковъ и Бродниковъ наряжали солдатъ въ дозоры, строго наказывая имъ не стрѣлять ни подъ какимъ видомъ. Чѣмъ стрѣлять въ народъ, лучше погибнемъ сами потомъ.

Дозоры ушли. Больше вызова не было.

Томительно шло время. Между тѣмъ Лашкевичъ орудовалъ на 1-ой Рождественской улицѣ и въ Орловскомъ переулкѣ. Часовъ въ 6 вечера онъ прибѣжалъ въ дворницкую подъ Сѣверной гостиницей и громко закричалъ: «стройся». Солдаты быстро вышли и построились. Первый взводъ Лашкевичъ поставилъ подъ аркой 1-ой Рождественской улицы фронтомъ по

углу Суворовскаго просп., а второй взводъ поставилъ поперекъ Орловскаго переулка фронтомъ на 2-ую Рождественскую и Греческій проспектъ. На 1-ой Рождественской было мало народа, такъ какъ здѣсь уже раньше производилась стрѣльба (вѣроятно, изъ пулемета, стоявшаго на Николаевскомъ вокзалѣ или въ Сѣверной гостиницѣ).

Были тутъ убитые и раненые, которыхъ утаскивали товарищи. Солдаты видѣли всю эту картину и были очень поражены и подавлены всѣмъ происходящимъ. Было очень тяжело. Хотѣлось какъ можно скорѣе уйти отсюда домой.

Чувствовалась неотложная потребность придти къ одному общему рѣшенію, и рѣшеніе это клонилось на сторону народа. Лашкевичъ это чувствовалъ; онъ не довѣрялъ теперь взводнымъ и, когда въ Орловскомъ переулкѣ собралась толпа, самъ сталъ подавать команду. Солдаты дали два залпа, но урона не было, т. к. стрѣлки брали выше.

Услышавъ стрѣльбу, толпа разсѣялась. Нѣсколько рабочихъ вбѣжало въ ворота сосѣдняго дома и стали оттуда дразнить и бранить Лашкевича; они называли его буржуемъ и другими нелестными именами.

Раздраженный Лашкевичъ велѣлъ солдатамъ безъ всякой команды стрѣлять по каждому человѣку, который покажется изъ этихъ воротъ. Солдаты раза два-три выстрѣлили въ эти ворота, но потомъ перестали стрѣлять, т. к. Козловъ и Сѣроглазовъ незамѣтно для близорукаго Лашкевича сказали солдатамъ, чтобы прекратить стрѣльбу.

Вскорѣ подошелъ къ Лашкевичу какой-то подполковникъ и сказалъ:

— Ваши люди стрѣляютъ вверхъ, пули летятъ въ окна, чуть не убили мою жену.

Лашкевичъ ему ничего не отвѣтилъ, и подполковникъ повернулся и ушелъ. Стало очень темнѣть. Въ концѣ 1-ой Рождественской улицы показалась толпа съ краснымъ флагомъ. Близорукій Лашкевичъ увидалъ что-то вдали и приказалъ было горнисту играть для стрѣльбы. Но Козловъ, Сѣроглазовъ, Орловъ, Марковъ, видя, что дѣло плохо, переглянулись между собой и стали говорить ему, что это ѣдетъ кавалерія. Лашкевичъ отставилъ стрѣльбу. Спустя немного времени подъѣхалъ нашъ волынскій конюхъ, развозившій ужинъ солдатамъ. Онъ хотѣлъ свернуть съ 1-ой Рождественской въ Орловскій переулокъ. Лашкевичъ закричалъ ему: «стой», но конюхъ сразу не остановился. Тогда Лашкевичъ подбѣжалъ къ повозкѣ, остановилъ ее, схватилъ лошадь за вожжи, и

затѣмъ взялъ конюха за бороду, далъ ему нѣсколько пощечинъ и сказалъ: «теперь, стервецъ, поѣзжай».

Конюхъ уѣхалъ. Такъ какъ на улицахъ народу было мало, солдаты просили Лашкевича сократить на половину взводы и устроить такимъ образомъ смѣну. Лашкевичъ исполнилъ эту просьбу и половина солдатъ пошла въ дворницкую.

Между тѣмъ, прапорщикъ Воронцовъ бралъ иногда изъ дворницкой отдыхающихъ солдатъ и развернутымъ фронтомъ проводилъ по Старо-Невскому до угла Суворовскаго и по 1-ой Рождественской до арки. Во время такихъ обходовъ Воронцовъ очень издѣвался надъ вольными людьми и грубо кричалъ на нихъ, даже билъ прикладомъ женщинъ.

Было уже 10 часовъ вечера. Лашкевичъ все время былъ на своемъ посту и никого не пропускалъ съ Орловскаго переулка на 1-ую Рождественскую. Какой-то еврей попробовалъ было пробраться, но Лашкевичъ его побилъ, и онъ принужденъ былъ убраться.

Надвигалась ночь. Народу на улицахъ становилось все меньше. Очевидно, усталые манифестанты, выдержавъ тяжелую борьбу съ войсками, разошлись на отдыхъ. И Лашкевичъ, наконецъ, снялъ охрану площади и велѣлъ людямъ собираться домой. Вышли на Лиговскую улицу и, захвативъ взводъ Конюкова, отправились въ казармы.

26-го февраля на площади, главнымъ образомъ, дѣйствовала 1-я рота учебной команды, а 2-я рота находилась на Николаевской улицѣ и никакихъ особенныхъ дѣйствій здѣсь не было. 2-я рота пришла въ казармы немного раньше первой. Лашкевичъ довелъ первую роту до воротъ казармъ и, остановивъ ее здѣсь, обратился къ солдатамъ съ слѣдующими словами:

— Сегодня я видѣлъ какое-то сомнѣніе среди васъ, какую-то нерѣшительность, но все-таки ничего, нѣкоторые дѣйствовали хорошо. Вамъ сегодня была практика, такъ и на войнѣ бываетъ. Надѣюсь, что завтра будете дѣйствовать лучше. Спасибо вамъ за сегодняшнюю работу.

Солдаты отвѣтили: «рады стараться», но отвѣтъ былъ плохой, сквозь зубы. Послѣ этого Лашкевичъ приказалъ Кирпичникову распустить людей, отобравъ предварительно у всѣхъ патроны, а завтра выдать полное количество, по 30 штукъ на человѣка.

Затѣмъ Лашкевичъ ушелъ. Солдаты вошли въ казарму и стали укладываться спать; только кадровые, т. е. взводные и отдѣленные собрались къ Кирпичникову въ образной 1-й

полуроты и, побесѣдовавъ немного, *рѣшили, что надо перейти на сторону народа, больше ничего не остается дѣлать.*

Приняли рѣшеніе и нѣсколько успокоились. Часа два обсуждали затѣмъ планъ дѣйствій для слѣдующаго утра и составили такой: 1) не выходить больше на охрану улицъ столицы, 2) если другія роты батальона придутъ усмирять учебную команду, то постараться склонить ихъ на свою сторону, а если это не удастся, то имѣя у себя пулеметъ, надо постараться пробиться и уйти въ сосѣдніе батальоны и постараться привлечь ихъ на сторону народа.

Сначала рѣшили было атаковать этой же ночью зданіе батальонной канцеляріи, гдѣ жили командиръ батальона, адъютантъ и многіе офицеры, и убить Висковскаго, Петрушевскаго, Лашкевича, Фосъ-Шрадера, Слефохта, Ляха и др., но потомъ это отставили и рѣшили никого не трогать. Усталые разошлись всѣ по своимъ койкамъ.

Но спать пришлось недолго. Лашкевичъ приказалъ будить въ 7 часовъ и въ 8 уже построиться и идти снова на охрану Знаменской площади.

Между тѣмъ, рядовые ученики учебной команды еще ничего не знали о принятомъ кадровыми рѣшеніи и о намѣченномъ планѣ дѣйствій. Надо было ихъ посвятить во все и заручиться ихъ поддержкой. Поэтому не въ 7, а въ 5 часовъ утра кадровые уже подняли на ноги всю команду. Приняты были въ эту же ночь мѣры, чтобы 4-ую роту и двѣ подготовительныя учебныя команды, размѣщенныя на одномъ дворѣ съ основной учебной командой, тоже привлечь на сторону народа.

Съ этой цѣлью пошелъ въ команды и 4-ую роту каптенармусъ основной учебной команды ст. ун.-оф. Носковъ. Онъ сталъ уговаривать подпрапорщиковъ и другихъ начальствующихъ лицъ изъ солдатъ, чтобы они встали за народъ. Всѣ эти лица держали себя нерѣшительно, а нѣкоторые даже враждебно отнеслись къ Носкову; подпрапорщикъ Смолякъ, напримѣръ, выгналъ его вонъ.

Въ 6 часовъ утра Лашкевичъ вызвалъ къ себѣ Дреничева и приказалъ ему идти въ батальонную канцелярію и взять тамъ одинъ ящикъ съ патронами. Дреничевъ же взялъ не одинъ ящикъ, а три и снесъ ихъ въ свою казарму.

Въ это время вся основная учебная команда уже построилась въ средней образной комнатѣ. Кадровые сообщили людямъ свое ночное рѣшеніе и ознакомили ихъ со своимъ пла-

номъ дѣйствіи. Быстро безъ всякихъ колебаній вся команда присоединилась къ рѣшенію своихъ ближайшихъ начальниковъ и вполнѣ одобрила ихъ планъ.

Солдаты радостно обѣщали исполнять приказаніе только своихъ взводныхъ и отдѣленныхъ командировъ и не слушать распоряженій офицеровъ. Тутъ же было рѣшено на привѣтствія младшихъ офицеровъ отвѣтить, какъ полагается, а Лашкевичу, вмѣсто отвѣта на привѣтствіе, кричать «ура».

Первыми пришли въ помѣщеніе команды прапорщикъ Колоколовъ 1-й. Ему отвѣтили, какъ подобаетъ, и онъ ничего не замѣтилъ. Въ 7½ часовъ явился Лашкевичъ и прямо прошелъ въ канцелярію.

Здѣсь былъ писарь Пажетныхъ. Лашкевичъ спросилъ его, пришли ли офицеры. Пажетныхъ отвѣтилъ, что прапорщикъ Колоколовъ пришелъ, а другихъ еще нѣтъ. Лашкевичъ велѣлъ ему позвонить въ собраніе, чтобы офицеры шли скорѣе, и спросилъ писаря: «Какъ тебѣ, Пажетныхъ, нравится вчерашній день?»

Писарь отвѣтилъ, что ему ничего неизвѣстно о вчерашнемъ днѣ. Затѣмъ Лашкевичъ ушелъ въ среднюю образную. При входѣ начальника прапорщикъ Колоколовъ скомандовалъ: «смирно». Лашкевичъ сказалъ: «Здорово, Кирпичниковъ». Въ этотъ моментъ всѣ дружно крикнули «ура». Долго гремѣло «ура».

Когда оно стало затихать, Лашкевичъ обратился къ Кирпичникову и спросилъ, что это значитъ. Кирпичниковъ отговорился незнаніемъ.

Послѣ этого Лашкевичъ хотѣлъ еще что-то спросить, но солдаты раньше условились ничего не объяснять Лашкевичу, а только кричать «ура», и опять крикнули «ура». Лашкевичъ прошелся по фронту и, подойдя къ мл. ун.-оф. Маркову, спросилъ его:

— Объясни, что значитъ это «ура»?—а самъ взялся рукой за кобуру.

Увидѣвъ это, Марковъ моментально взялъ винтовку на руку, а солдаты снова грянули «ура».

Лашкевичъ отстранился, отошелъ отъ Маркова, походилъ еще по фронту и затѣмъ подалъ команду: «смирно», «господа офицеры». Солдаты на минуту примолкли, а Лашкевичъ сказалъ:

— Прочитаю вамъ приказъ государя,—и вынулъ какую-то бумажку, но читать ему не пришлось, т. к. солдаты снова грянули «ура».

Выждавъ затишья, Лашкевичъ спросилъ, что имъ надо. Тутъ всѣ закричали:

— Не пойдемъ больше бить людей, довольно крови!

Еще при первомъ крикѣ «ура» прапорщикъ Колоколовъ почувствовалъ себя дурно и просилъ разрѣшенія уйти. Лашкевичъ разрѣшилъ ему; и въ это время пришли Воронцовъ и Кочура и остановились у дверей. Видя, что настало время дѣйствовать рѣшительно, Кирпичниковъ громко сказалъ:

— Г.г. офицеры, прошу васъ всѣхъ уйти,—а вся команда въ это время сильно застучала прикладами о полъ образной. Офицеры бѣгомъ побѣжали по лѣстницѣ, а кто-то изъ солдатъ крикнулъ имъ вслѣдъ: „коли". Нѣсколько солдатъ въ сильномъ возбужденіи, несмотря на принятое ночью рѣшеніе не убивать офицеровъ, бросились къ окну, открыли форточку, и когда офицеры поравнялись съ ней, двое выстрѣлили: одинъ цѣлился въ Лашкевича, а другой въ Воронцова.

Лашкевичъ шелъ ближе всѣхъ къ окну, а Воронцовъ и Кочура шли рядомъ съ нимъ. Обѣ пули попали въ голову Лашкевича, и онъ упалъ въ снѣгъ, а Воронцовъ и Кочура бросились бѣжать въ канцелярію батальона.

Часовъ до 2-хъ дня тѣло Лашкевича лежало на дворѣ, затѣмъ его снесли было въ околотокъ, но скоро выбросили обратно на дворъ.

Потомъ протоіерей Петропавловскій позаботился о томъ, чтобы Лашкевича перенесли въ батальонную церковь, а оттуда въ покойницкую Николаевскаго военнаго госпиталя.

Послѣ расправы съ Лашкевичемъ, Кирпичниковъ скомандовалъ „направо, шагомъ маршъ", вывелъ солдатъ на дворъ и, построивъ въ колонну по отдѣленіямъ, фронтомъ на ворота казармъ, выслалъ одно отдѣленіе подъ командой ефрейтора Яковенко къ самымъ воротамъ въ качествѣ дозора.

Въ это время вышелъ на дворъ штабсъ-капитанъ Поповъ—студентъ академіи генеральнаго штаба, имѣвшій квартиру при учебной командѣ. Поповъ, повидимому, шелъ на лекцію и вдругъ неожиданно наткнулся на трупъ Лашкевича.

Поповъ на мгновеніе остановился, затѣмъ быстро повернулся и бѣгомъ бросился домой, открылъ окно и вмѣстѣ со своей женою спустился по простынямъ на улицу.

Между тѣмъ дозоры, стоявшіе у воротъ, замѣтили, что по Виленскому пер., со стороны батальонной канцеляріи, идетъ большая группа офицеровъ.

Офицеры подошли къ воротамъ, а двое изъ нихъ даже вошли во дворъ, но, увидя тѣло Лашкевича и построенныхъ

солдатъ, которые кричали „ура“ и стрѣляли въ воздухъ, эти два офицера быстро повернули назадъ и сообщили, повидимому, другимъ офицерамъ о томъ, что они видѣли и слышали во дворѣ.

Послѣ этого всѣ офицеры пошли назадъ, а учебная команда стала вызывать на дворъ находившуюся въ сосѣднемъ корпусѣ 4-ую роту. Солдаты 4-й роты стали выходить на дворъ, но безъ оружія, т. к. у нихъ не было винтовокъ.

Нѣкоторые унтеръ-офицеры 4-й роты не сразу присоединились къ учебной командѣ, а подпрапорщикъ Смолякъ выбилъ раму и, съ высоты 2-го этажа соскочивъ на панель, бѣгомъ бросился въ батальонную канцелярію съ докладомъ командиру батальона. Подъ учебной командой въ подвальномъ этажѣ былъ батальонный цейхгаузъ. По требованію учебной команды, его открылъ батальонный инструкторъ и выдалъ 4-й ротѣ винтовки и патроны. Послѣ этого 4-я рота вся присоединилась. Два горниста громко играли сборъ.

Несмотря на все происходившее на дворѣ, первая и вторая подготовительныя учебныя команды не выходили изъ своихъ помѣщеній, продолжая занятія, и, повидимому, не рѣшались еще присоединиться. Пришлось къ нимъ послать нѣсколько делегатовъ во главѣ съ Марковымъ и ефрейторомъ Орловымъ. Когда делегаты подошли къ дверямъ казармы, въ которой помѣщались обѣ подготовительныя учебныя команды, то ст. ун.-оф. Ратушнякъ закричалъ: «закрывай двери, не пускай ихъ, что они тутъ распоряжаются».

Все-же въ двери делегаты вошли, но ихъ не стали слушать; тогда они ушли обратно и, взявъ цѣлое отдѣленіе (человѣкъ 12), снова пошли туда. И Кирпичниковъ прошелъ съ этимъ отдѣленіемъ и сказалъ ст. ун.-оф. Стрѣльникову, окруженному солдатами:

— Братцы, довольно намъ проливать невинную кровь!

Стрѣльниковъ закричалъ: „конечно, довольно, идемъ, братцы, одѣвайся“. И фельдфебель Рябовъ и подпрапорщикъ Клименовъ тоже кричали: „рота, одѣвайся“.

Скоро обѣ подготовительныя учебныя команды стали одѣваться и выходить на дворъ. Шумъ, крики „ура“ и выстрѣлы на дворѣ Волынскаго полка привлекли уже вниманіе сосѣдей-литовцевъ; они стали выглядывать черезъ заборъ на волынскій дворъ, а волынцы кричали имъ: «выходи, литовцы, полѣзайте сюда». Но литовцы сначала не рѣшались выступить.

Взводный Котоковъ, опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны литовцевъ, выставилъ наблюдательный постъ на за-

борѣ (три человѣка), отрядъ состоялъ изъ трехъ учебныхъ командъ и 4-й роты. Революціонный отрядъ былъ построенъ такимъ образомъ: одинъ взводъ основной учебной команды въ авангардѣ, за нимъ два пулемета, за пулеметами остальные взводы учебной команды, далѣе 1-я и 2-я учебныя команды и 4-я рота.

Сначала вся эта колонна подъ командой Кирпичникова вышла на Виленскій переулокъ, дошла до Фонтанной улицы.

Шли съ намѣреніемъ привлечь на свою сторону другія роты своего же Волынскаго батальона, но, дойдя до Фонтанной, рѣшили, что, вѣроятно, офицеры примутъ мѣры, наставятъ пулеметы и начатое дѣло можетъ погибнуть. Поэтому около Фонтанной завернули правымъ плечомъ и пошли на Парадную улицу снимать литовцевъ и преображенцевъ. На Парадной у воротъ Литовскаго б-на остановились. Взводный Коноковъ сейчасъ же выслалъ два отдѣленія на уголъ Парадной и Кирочной въ качествѣ передовой заставы. Кирпичниковъ сказалъ: „я пойду, отойду назадъ со своимъ взводомъ, по Парадной буду охранять колонну съ тыла“.

Въ то время, когда Котоковъ заботился объ охраненіи колонны, часть Волынской учебной команды вошла во дворъ литовцевъ, и сейчасъ же были посланы делегаты по ротамъ. Взводный Зайцевъ и ефрейтора Орловъ и Сѣроглазовъ, и нѣкоторые солдаты проявили въ это время очень энергичную дѣятельность.

Сначала литовцы не выходили, т. к. ихъ сдерживали офицеры и подпрапорщики, которые говорили:

— Мы не пойдемъ ни съ волынцами, ни противъ нихъ и вамъ совѣтуемъ не выступать.

Солдаты-литовцы были въ нерѣшительности. Волынскіе делегаты, стоявшіе въ дверяхъ одной изъ ротъ, видя эту нерѣшительность, закричали:

— Ну! Мы все равно «пропали»,—и стали заряжать свои винтовки.

— Ну, выходите, что-ли,—закричали послѣ этого волынцы.

Литовцы теперь заволновались, послышался крикъ «одѣвайсь», и всѣ литовцы стали одѣваться и выходить на дворъ.

На этомъ же дворѣ была и часть Преображенскихъ казармъ. Преображенцы вышли уже почти безъ колебаній и сказали:

— Господа волынцы, давайте только намъ теперь винтовки, нашъ цейхгаузъ запертъ, а съ голыми руками мы не пойдемъ

— Гдѣ вашъ цейхгаузъ?—спросили волынцы.—Идемъ, сейчасъ достанемъ.

Быстро открыли цейхгаузъ и забрали винтовки и патроны. Между тѣмъ взводный Котоковъ со своимъ взводомъ принялъ мѣры къ охранѣ тыла революціоннаго отряда. Одно отдѣленіе Конюковъ поставилъ цѣпью поперекъ Виленскаго переулка, другое поперекъ Госпитальной улицы. Въ это время съ Виленскаго пер. подошли три волынскихъ фельдшера: Ивановъ, Гречихинъ и Суворовъ съ санитарными сумками и смѣясь сказали:

— Насъ выгналъ старшій врачъ Штейнъ оказывать помощь,—затѣмъ явилось и человѣкъ 12 санитаровъ.

Конюковъ велѣлъ фельдшерамъ идти на конюшню за лазаретными линейками. Фельдшера ушли; конюхи же и другіе нестроевые, помѣщавшіеся на Греческомъ пр., вышли изъ своихъ воротъ и стояли толпой въ нерѣшительности.

Видя, что взводный Котоковъ послалъ одно отдѣленіе подъ командой ефр. Кирѣева и послѣдній привелъ всѣхъ этихъ нестроевыхъ на уголъ Виленскаго, Котоковъ сейчасъ же велѣлъ конюхамъ приготовить повозки для раненыхъ, заложить патронныя двуколки и нѣсколько саней. Нестроевые ушли, и минутъ черезъ 15 уже было ими исполнено распоряженіе Конюкова. На Греческомъ появились 2 линейки, разныя повозки и фельдшеръ Ивановъ верхомъ на лошади.

Въ это время подошелъ къ Котокову какой-то солдатъ-преображенецъ и сказалъ:

— Г. взводный, у насъ здѣсь на Госпитальной улицѣ въ маленькомъ каменномъ зданіи находится цейхгаузъ, онъ закрытъ, а люди вышли на дворъ безъ винтовокъ и ничего не предпринимаютъ. Всѣ желаютъ скорѣе присоединиться къ волынцамъ, а оружія нѣтъ.

У Котокова своихъ людей было мало, поэтому онъ собралъ человѣкъ 25 невооруженныхъ волынцевъ и людей 4 роты и отправилъ ихъ подъ командой какого-то ефрейтора 4 ой роты къ преображенцамъ.

Немного погодя, преображенцы вышли въ порядкѣ колоннами и пошли по Госпитальной на Суворовскій. Вскорѣ на волынской патронной двуколкѣ привезли преображенскіе патроны, и Котоковъ велѣлъ брать у кого ихъ мало. Двуколка быстро опустѣла.

Между тѣмъ, на дворѣ литовскихъ казармъ литовцы и преображенцы построились и, выйдя на Парадную, присоединились къ волынской колоннѣ. Послѣ этого колонна трону-

лась впередъ и правымъ плечомъ завернула на Кирочную. Поперекъ Кирочной, пройдя садикъ, находящійся среди преображенскихъ казармъ, стояла развернутымъ фронтомъ рота литовцевъ подъ командой поручика.

Когда революціонный отрядъ приблизился къ этой ротѣ шаговъ на 50, офицеръ скомандовалъ: „прямо по колоннѣ, пальба ротой". Нѣкоторые литовцы взяли на изготовку, а нѣкоторые не взяли и посматривали другъ на друга. Воспользовавшись этимъ моментомъ, человѣкъ пять волынцевъ успѣли подбѣжать къ литовцамъ и закричали: «присоединяйсь къ намъ».

Видя это, поручикъ схватился за шашку и, обругавъ волынцевъ площадной бранью, потребовалъ, чтобы они отошли отъ строя.

Въ это время одинъ волынецъ пырнулъ штыкомъ поручика, а литовцы сзади тоже взяли его на штыки. Литовскіе унтеръ-офицеры куда-то унесли тѣло поручика, а рота литовцевъ присоединилась къ волынцамъ.

Когда произошла эта встрѣча съ литовцами, кто-то скомандовалъ: «пулеметы впередъ». Эта команда смутила, по словамъ фланга колонны, многихъ солдатъ, и они стали отступать, а нѣкоторые даже бросились бѣжать къ воротамъ Литовскаго бат. Видя это, случившійся здѣсь фельдшеръ Ивановъ обогналъ ихъ и, подскакавъ къ дневальному, стоявшему у воротъ, приказалъ ему закрыть эти ворота и никого не пропускать въ нихъ на дворъ, что и было исполнено.

Ободривъ и успокоивъ смутившихся товарищей, Ивановъ двинулся вмѣстѣ съ ними на Кирочную. Далѣе по Кирочной и Преображенской улицамъ находятся казармы саперъ. Саперы были заперты въ своихъ казармахъ. Волынцы ворвались во дворъ къ саперамъ, кричали: «Ура, выходи, товарищи!», и стрѣляли въ воздухъ.

Саперы же, запертые въ казармахъ, кричали: «товарищи, откройте насъ».

Волынцы открыли двери казармы, и саперы быстро вышли на дворъ.

Въ это время былъ убитъ полковникъ—командиръ сапернаго батальона и одинъ младшій офицеръ.

Когда волынцы снимали саперъ, со стороны преображенскаго садика застучалъ пулеметъ, но пораженія отъ его стрѣльбы не было. Услышавъ стукъ пулемета, Кирпичниковъ съ нѣкоторыми солдатами взяли одинъ изъ своихъ пулеметовъ и вмѣстѣ съ пулеметчиками быстро пошли на звукъ пулеметныхъ выстрѣловъ.

Волынцы скоро нашли пулеметъ, стоявшій въ деревянной будкѣ. Онъ оказался литовскимъ и былъ сейчасъ же взятъ волынцами.

Пока Кирпичниковъ обнаруживалъ пулеметъ, къ головѣ колонны, т. е. къ учебной командѣ, подошелъ прикомандированный къ Волынскому бат. прапорщикъ Астаховъ; онъ былъ одѣтъ унтеръ-офицеромъ. Астаховъ сталъ кричать имъ, что надо вернуться назадъ въ казармы, что дѣло не организовано, нѣтъ связи съ другими частями и т. п. Основная учебная команда не узнала Астахова и съ недоумѣніемъ слушала его возбужденную рѣчь, но подошедшіе солдаты другихъ командъ признали въ немъ своего офицера. Поговоривъ немного съ солдатами, Астаховъ убѣдилъ было ихъ вернуться назадъ и уже сталъ заворачивать колонну правымъ плечомъ, но взводный Кирпичниковъ и ефрейторъ Орловъ, поддерживаемые другими кадровыми учебной к-ды, стали спорить съ Астаховымъ, доказывая, что поворачивать назадъ нельзя, что потеряемъ только отъ этого дорогое время, упустимъ удобный моментъ, а связь съ другими частями устанавливать уже поздно.

Астаховъ настаивалъ на своемъ, но въ это время подошелъ Кирпичниковъ и всѣ солдаты и рѣшительно сказали: «братцы, впередъ». Астаховъ скрылся. Присоединившіеся саперы взяли своихъ музыкантовъ, и все возраставшій революціонный отрядъ дошелъ до Знаменской улицы.

Здѣсь отрядъ раздѣлился. Часть волынцевъ повернула по Знаменской къ Виленскому пер., для того, чтобы привлечь на свою сторону остальныя волынскія роты (1, 2, 3 и нестроевыя), а другая часть отряда во главѣ съ саперной музыкой пошла къ Марсову полю. Первая и вторая волынскія роты, при видѣ людей учебной команды, сейчасъ же къ нимъ присоединились группами и затѣмъ всѣ пошли по Баскову переулку на Баскову улицу, по пути освободили автомобильную гаупт, вахту, гдѣ находилось помѣщеніе 3 ей роты пулеметной команды Волынскаго полка. Остановившись у воротъ казармъ, послали делегатовъ въ 3-ью роту; она скоро стала выходить, а за ней пришли и пулеметчики съ музыкантами.

Волынскіе музыканты построились въ головѣ колонны и, грянувъ марсельезу, двинулись впередъ. Звуки марсельезы подбодряли революціонное войско, а штатскіе люди, до сего времени какъ-то недовѣрчиво, съ недоумѣніемъ наблюдавшіе картину возстанія, теперь, услышавъ марсельезу, стали горячо

привѣтствовать волынцевъ и присоединялись къ нимъ большими группами.

Какой-то штатскій закричалъ:

— У васъ, братцы, мало винтовокъ и патроновъ, идите къ арсеналу, тамъ все добудемъ.

Двинулись дальше. Тутъ же, на Басковой, помѣщалась учебная команда и одна изъ ротъ Литовскаго полка. Дойдя до воротъ казармы, волынцы стали вызывать литовцевъ, но офицеры убѣдили литовскую учебную команду не присоединяться къ возстанію, и литовцы не хотѣли выходить. Недовольные задержкой, волынцы пошли впередъ, оставивъ человѣкъ двадцать людей, которые настойчиво требовали выхода литовцевъ.

Двѣ колонны революціоннаго войска уже прошли мимо литовскихъ воротъ, а третья еще не успѣла пройти, какъ изъ одного окна литовской казармы затарахтѣлъ пулеметъ. Огнемъ этого пулемета третья колонна была остановлена и на нѣкоторое время отрѣзала отъ дверей другихъ. Но волынцы скоро оправились и открыли ружейный огонь по литовскимъ окнамъ, обстрѣливая преимущественно верхній этажъ.

Пулеметная стрѣльба сейчасъ же прекратилась, а литовцы стали бить окна, выбрасывать изъ нихъ ящики съ патронами и сами прыгали внизъ. Черезъ двери литовцамъ выходить было нельзя, т. к. часть литовской учебной команды съ офицерами стояла въ дверяхъ и подъ угрозой разстрѣла никого не пропускала.

Революціонный отрядъ все увеличивался и шелъ съ Басковой на Преображенскую площадь, къ Литейному проспекту. Музыка все время играла марсельезу. Вышли на Литейный проспектъ, остановились у патроннаго завода и потребовали, чтобы рабочіе прекратили работу. Начальникъ завода генералъ-лейтенантъ приказалъ закрыть ворота, но ихъ быстро выбили и вошли во дворъ.

Здѣсь убили генерала, т. к. онъ приказывалъ караулу стрѣлять. Послѣ этого караулъ присоединился къ революціонному отряду, а рабочіе стали выходить и громко кричали «ура»! Отъ патроннаго завода рѣшили идти къ арсеналу, но въ это время прибѣжали какіе-то солдаты (человѣка 4) и звали на Марсово поле, говоря, что тамъ ждутъ павловцы.

Волынцы, опасаясь разстрѣла на открытомъ Марсовомъ полѣ, рѣшительно отказались идти туда и всѣ двинулись къ Литейному мосту. Въ это время было зажжено зданіе Окружнаго суда, а автомобили, ѣхавшіе съ Литейнаго моста, останавливались. На два изъ нихъ волынцы поставили пулеметы.

Эти автомобили поѣхали впереди, а за ними тронулось и все войско вмѣстѣ съ революціоннымъ народомъ. Когда вошли на мостъ, то увидѣли, что у другого конца его, на правомъ берегу Невы, стоитъ развернутымъ флангомъ какая-то рота; говорили, что при ней было три офицера и два пулемета.

Когда подошли поближе, началась съ праваго берега стрѣльба. Революціонный отрядъ тоже отвѣтилъ выстрѣлами. Какъ только надъ головами зажужжали пули, многіе подались назадъ, разбѣжались, а нѣкоторые легли на землю или прижались къ перилamъ моста и къ трамвайнымъ столбамъ. Убитыхъ и раненыхъ было немного.

Увидѣвъ раненыхъ, фельдшеръ Ивановъ передалъ лошадь одному изъ санитаровъ, а самъ, раскрывъ свою фельдшерскую сумку, сталъ перевязывать раненыхъ товарищей и отправлялъ ихъ въ лазаретъ. Кирпичниковъ и Орловъ остались стоять и ободряли смутившихся солдатъ. Волынская учебная команда стала понемногу собираться.

Окончательно возстановилъ порядокъ начальникъ арьергарда взводный Конюковъ, который со своимъ взводомъ въ полномъ порядкѣ вошелъ на мостъ, присоединяя къ себѣ отступавшихъ. Собранные Кирпичниковымъ и Орловымъ люди слились съ людьми пришедшими съ Конюковымъ, и всѣ двинулись впередъ. Шли тутъ и волынскіе музыканты.

На мосту больше стрѣльбы не было, и стоявшая на охранѣ рота теперь безпрепятственно пропустила революціонный отрядъ. Какъ только перешли мостъ, Кирпичниковъ отдѣлилъ часть солдатъ и пошелъ съ ними къ Петропавловской крѣпости, а другая часть свернула на Симбирскую улицу.

Здѣсь со стороны казармы конной полиціи, раздались ружейные выстрѣлы; стрѣлялъ отрядъ конныхъ городовыхъ, выѣхавшій изъ воротъ. Люди остановились и сейчасъ же былъ высланъ впередъ отрядъ развѣдчиковъ и одинъ автомобиль съ пулеметомъ. Пулеметъ мѣтко обстрѣлялъ казарму, а затѣмъ туда бросились развѣдчики.

Вбѣжавъ во дворъ, они увидѣли нѣсколько осѣдланныхъ лошадей и стали искать всадниковъ. Скоро послѣдніе были найдены. Они, оказывалось, сидѣли за дровами и всѣ были ранены. Сначала городовые не хотѣли вылѣзать изъ своего убѣжища, но когда имъ пригрозили стрѣльбой, они всѣ встали на колѣни и, поднявъ руки, молили о пощадѣ. Нѣкоторые солдаты хотѣли ихъ разстрѣлять и стали было уже цѣлиться, но взводные Зайцевъ и Орловъ удержали ихъ, говоря, что городовые и такъ достаточно наказаны; у одного болталась пере-

ытая рука. Вмѣсто разстрѣла, раненыхъ фараоновъ отправили въ ближайшій лазаретъ, а лошадей ихъ забрали и посадили на одну изъ нихъ какого-то прапорщика-сапера, на другихъ же сѣли солдаты-волынцы.

Прапорщику предложили принять командованіе, и онъ повелъ всѣхъ впередъ. Вскорѣ узнали, что поблизости во дворѣ есть какіе-то солдаты, и войдя въ этотъ дворъ, увидѣли литовскій караулъ, охранявшій заводъ. Начальникъ караула шт.-капитанъ Литовскаго полка приказывалъ солдатамъ стрѣлять, но они не стрѣляли, а онъ самъ стрѣлялъ изъ револьвера, за что и былъ убитъ.

Захвативъ литовскій караулъ, пошли дальше, но вскорѣ раздѣлились: одна часть людей пошла къ тюрьмѣ «Кресты», а другая продолжала путь къ арсеналу. Около «Крестовъ» какой-то артиллеристъ, поручикъ или штабсъ-капитанъ, сѣлъ на лошадь городового и принялъ на себя команду. Прежде всего новый начальникъ рѣшилъ привести хотя немного въ порядокъ превратившійся въ нестроевую толпу отрядъ.

— Стойте, — сказалъ онъ, — васъ всѣхъ тутъ побьютъ изъ пулемета.

Пока поручикъ водворялъ порядокъ, какіе-то солдаты и рабочіе уже явились съ пилами и ломами и, прорубивъ отверстіе въ наружныхъ дверяхъ, пролѣзли во дворъ и открыли ворота.

Вскорѣ вышелъ начальникъ тюрьмы, и солдаты велѣли ему отворить камеры. Радостно выбѣжали на волю арестованные; многіе изъ нихъ падали солдатамъ въ ноги, цѣловали солдатъ и говорили: «благодѣтели наши, дайте намъ немного пріодѣться, и мы явимся вамъ помощниками». Нѣкоторыхъ арестантовъ солдаты повели сейчасъ же въ магазины одѣваться. Во время суматохи, недалеко отъ «Крестовъ», одинъ ученикъ Волынской учебной команды, нынѣ ефрейторъ, Иванъ Квашинъ былъ раненъ.

Послѣ освобожденія «Крестовъ» пришлось выдержать столкновеніе съ полиціей. Кто-то сказалъ, что недалеко тутъ изъ полицейскаго участка городовые открыли по толпѣ огонь. Солдаты подошли, и дѣйствительно, услышали стрѣльбу изъ нѣсколькихъ пулеметовъ.

Сейчасъ же участокъ былъ обстрѣлянъ, но нашъ огонь не причинилъ вреда стрѣлявшимъ городовымъ, т. к. они были хорошо скрыты.

Вскорѣ все-таки солдаты ворвались въ участокъ и всякая стрѣльба здѣсь прекратилась. Полицейскимъ, вѣроятно, досталось порядочно отъ раздраженнаго народа и солдатъ. Одного

дворника приняли за переодѣтаго городового, схватили его и сильно побили прикладами и пинками. Обливаясь кровью, несчастный упалъ; потомъ приподнялся и вставъ, на колѣни, умолялъ пощадить его жизнь.

Дворнику этому грозила смерть, но взводный Конюковъ сжалился надъ нимъ и громко крикнулъ: «Стой, что вы дѣлаете?!» Слова взводнаго отрезвляюще подѣйствовали на толпу и она остановилась.

Самосудъ былъ прекращенъ, и человѣческая жизнь уцѣлѣла. Кромѣ арестованныхъ, томившихся въ этотъ день въ «Крестахъ» революціонными войсками и народомъ были освобождены страдальцы-заключенные и въ другихъ тюрьмахъ Петрограда.

Такъ, напримѣръ, на Шпалерной улицѣ освободили домъ предварительнаго заключенія. Когда подошли къ этому дому, ворота были крѣпко закрыты. Несмотря на неоднократное требованіе солдатъ, администрація не желала ихъ открыть. Тогда солдаты дали нѣсколько залповъ по воротамъ, а затѣмъ подъѣхалъ автомобиль-грузовикъ и, попятившись назадъ, задомъ сталъ вышибать ихъ.

Сторожа, видя, что дѣло плохо, сами отворили ворота и солдаты вмѣстѣ съ народомъ ворвались во дворъ, побѣжали къ камерамъ и требовали освобожденія арестованныхъ.

Это требованіе было немедленно удовлетворено. Выпускали безъ разбора всѣхъ—и политическихъ, и воровъ, и шпіоновъ. Былъ уже 3-ій часъ дня. Волынцы притомились и рѣшили идти домой обѣдать, рѣшивъ, что главное уже сдѣлано. Начали строиться, и небольшими командами приходили въ свои казармы на обѣдъ.

Около этого же времени учебная команда подъ начальствомъ взводнаго 5-го взвода Конюкова въ полномъ порядкѣ шла въ свои казармы. Какъ осторожный начальникъ, Конюковъ принялъ всѣ мѣры къ охранѣ своихъ людей. Имъ были высланы пѣшіе и конные дозоры, которые должны были вовремя предупредить объ опасности. Въ полномъ порядкѣ, какъ на ученіи, шли люди Конюкова по улицамъ Петрограда въ этотъ великій день побѣды надъ старымъ государственнымъ строемъ. Восхищенные граждане Петрограда то и дѣло радостно привѣтствовали стройную команду волынцевъ, сумѣвшихъ даже во время революціи поддержать въ своей средѣ порядокъ. Летѣли вверхъ шапки и мощно гремѣло «ура».

На Госпитальной улицѣ Конюковъ и Плиссъ остановили колонну. Солдаты взяли винтовки къ ногѣ. Были затѣмъ по-

слапы дозорные осмотрѣть казармы учебной команды. Убѣдившись, что казармы никѣмъ не заняты, дозорные вернулись, и послѣ этого вся колонна вошла во дворъ казармъ.

Волынскіе кашевары были на своихъ мѣстахъ и не оставили своихъ товарищей безъ обѣда.

Послѣ обѣда нѣкоторые волынцы легли немного отдохнуть, положивъ подъ бокъ винтовочку, а на улицахъ вокругъ казармъ были поставлены усиленные караулы. Отдохнувъ немного, рѣшили идти и присоединять еще не ставшія подъ знамя революціи части. Въ 5 ч. дня учебная команда приказала горнисту играть сборъ. Два взвода учебной команды остались для охраны казармъ. Но вскорѣ всѣ вернулись домой. Наверху въ разныхъ комнатахъ были поставлены 3 пулемета. Ночью солдаты спали съ винтовками, а два взвода учебной команды тщательно несли охрану казармъ. Кирпичниковъ пришелъ въ команду ночью и говорилъ, что былъ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ тоже освобождалъ заключенныхъ. Ночь на 28-е февраля прошла спокойно.

Кое-гдѣ только пострѣливали въ воздухъ, да горѣли полицейскіе участки и зданіе Окружного суда, а дежурные взводы снимали пулеметы и городовыхъ. Съ утра 28-го февраля всѣ роты Волынскаго батальона обращались за распоряженіями въ учебную команду, и Кирпичниковъ былъ за командира батальона.

Солдаты другихъ частей Петроградскаго гарнизона тоже приходили за совѣтомъ для общей организаціи въ Волынскую учебную команду и имъ давали разные совѣты.

Днемъ 28-го по распоряженію взводнаго Конюкова, были арестованы денщики волынскихъ офицеровъ потому, что рядовой Гонцовъ замѣтилъ, что двое изъ нихъ на углу Бассейной и Знаменской собирали патроны, а между тѣмъ ходили слухи, впослѣдствіи совсѣмъ не подтвердившіеся, о томъ, что офицеры съ чердаковъ и изъ оконъ домовъ стрѣляютъ въ солдатъ и въ революціонный народъ. Гонцовъ, зная, что денщики живутъ вмѣстѣ съ офицерами, подумалъ, что они передадутъ эти патроны офицерамъ и хотѣлъ задержать денщиковъ, но они убѣжали. Тогда Гонцовъ все же не оставилъ это дѣло, а придя въ команду, доложилъ Конюкову, который и сдѣлалъ вышеуказанное распоряженіе. Денщики вмѣстѣ съ городовыми просидѣли подъ арестомъ при учебной командѣ нѣсколько дней, а потомъ получили свободу.

ЛЕНИН

СПИСОКЪ

учебной команды запаснаго батальона Гвардіи Волынскаго полка.

Старшіе унтеръ-офицеры: Конюковъ, Федоръ Мих., Вербецкій, Фил. Лаз., Плисъ, Тих. Осип., Козловъ, Вас. Степ., Зайцевъ, Иванъ Иван., Кирпичниковъ, Тим. Ив., Крюковъ, Ерм., Носковъ, Павелъ Вас.

Младшіе унтеръ-офицеры: Борисовъ, Ник. Тим., Карпичковъ, Мир. Харт., Дреничевъ, Иванъ Федор., Дреничевъ, Ант. Федор., Баньковскій, Алек. Мих., Бродниковъ, Мих. Анд., Скирюкинъ, Ник. Алек., Паршуткинъ, Игн. Иван., Марковъ, Мих. Григор., Чистяковъ, Петръ Яков.

Ефрейтора: Орловъ, Яковъ Касьян., Сѣроглазовъ-Горбуновъ, Ерм. Тим., Карасевъ, Ник. Кир., Губаревъ, Вас. Сергѣев., Соколовъ, Серг. Вас., Отливной, Ив. Ад., Слезкоухій, Еф. Авер., Давиденко, Ник., Родичевъ, Вас. Алек., Телицынъ, Федоръ Ив., Ильинъ, Ив. Вас., Валюкъ, Ксав. Мат., Гребенюкъ, Хар. Зах., Киреевъ, Мих. Мих., Кочергинъ, Мих. Сем., Афанасьевъ, Вас. Фед., Гуляевъ, Пант., Иваховъ, Іуст. Емельян., Ековенко, Алек. Лук., Семенецъ, Григ. Кал., Шумилинъ, Анд. Мат., Шараповъ, Анд. Егор., Барабановъ Петръ, Таракановъ Петръ, Кузнецовъ, Ник., Патапенко Павелъ, Ортусъ Августъ, Свистуновъ Вас., Краковскій, Ген. Алек., Паністныхъ, Кузьма Ив., Андреевъ, Егоръ.

Рядовые: Ганичъ, Сем. Иван., Пѣшековъ, Егоръ, Бурцевъ, Влад. Иван., Вороненко, Иванъ Петр., Спиринъ, Вас. Петр., Блешке, Отто Кар., Березенскій, Іосифъ Иван., Разсказовъ, Алек. Вас., Мироновъ, Мих. Иван., Сизковъ, Федоръ Сгир., Карповъ, Сер. Иван., Быченковъ, Петръ Петр., Тахтауловъ, Ив. Тим., Сергѣевъ, Иванъ Полик., Шерементьевъ, Ив., Квашинъ, Иванъ Сав., Никифоровъ, Гр. Пав., Канендоха, Илья Дмитр., Наумовъ, Алек. Иван., Предко, Мих. Яков., Савченко, Егоръ Анд., Сучковъ, Ив. Абр., Шипулинъ, Яковъ Вас., Андреевъ, Алекс. Анд., Алешковъ, Григор. Ник., Бабаровъ, Ник. Андр., Бапининъ, Вас. Фед., Бирюковъ, Влад. Георг., Веневцевъ, Вас. Иван., Воробей Игн. Семен., Гусаровъ, Алекс. Денис., Ганининъ, Петръ Осипов., Горбуновъ, Алекс. Лук.. Домановскій, Ник. Ник. Дьячковъ, Ник. Мат., Дудинъ, Гр. Степан., Драповъ, Мих. Ив., Ершовъ, Вас. Игн., Золкинъ, Пав. Алекс., Ивановъ, Алекс. Иван., Костровъ, Серг. Влад., Кучугуровъ, Мир. Ив., Кочербитовъ, Алекс. Петр., Козловъ, Мих. Ефим., Купрѣевъ, Іосиф. Арт., Кныръ, Тим. Андр., Дмитріевъ, Яковъ Яковл., Кузнецовъ, Петръ Андр., Костешко, Лазарь Андр., Корпунинъ, Иванъ Иван., Лебедевъ, Исидоръ Иван., Миркинъ, Влад. Влад., Мещуряковъ, Вас. Серг., Месюряевъ, Ник. Фед., Миллерсонъ, Эльм. Алек., Муссъ, Март. Як., Мѣснянкинъ, Дмитр. Дм., Мауко, Михаилъ Сол., Митрухинъ, Дмит. Пет., Надольскій, Мих. Мих., Надоѣдовъ, Кир. Демид., Нечаевъ, Алек. Андр., Настинъ, Ив. Фед., Новиковъ, Илья Алек., Осокинъ, Иванъ Мак., Пахомовъ, Ил. Федор., Павловъ, Анд. Кир., Павловъ, Кон. Григ., Рябьуненко, Ив. Лук., Раудсикъ, Вл. Ив., Савиновъ, Степ. Мих., Сапуновъ, Степ. Марк., Сѣтинъ, Петръ Вас., Сѣдоковъ, Стеф. Иван., Своротневъ, Ив. Мих., Семеновъ, Игн. Мих., Силинъ, Мат. Дмит., Сафоновъ, Ник. Ефст., Сазоновъ Ник., Цвѣтковъ, Мих. Анд., Юхаревъ, Арсен. Иван., Юрченко, Игн. Фед., Яковлевъ, Ив. Дмит., Давыдовъ, Конс. Мих., Кузминъ, Алек. Кур., Пашинъ, Мих. Денис., Киринъ Федоръ, Еменинъ Мих., Масловъ, Вас. Мих., Анохинъ, Фед. Прок., Алексѣевъ, Лав. Емельян., Быковскій, Дмитрій Алек., Бекетовъ, Петръ Пав., Быковскій, Яковъ Ив., Ботовъ, Иванъ Анд., Воронковъ, Алекс. Ив., Видченко, Алек. Ник., Величковъ, Ив. Фед., Глинкинъ, Алек. Ник., Горягинъ, Ник. Петр., Ганковъ, Ив. Алек., Горбатовъ, Сер. Григор., Давыденко, Пав. Денис., Диденко, Георгій Яков., Журавлевъ, Мат. Анд., Иченецъ, Семен. Вас., Крапивко, Марк. Лук., Кешеновъ, Ник. Ильичъ, Косогоръ, Еф. Елис., Колесовъ, Влад. Ив., Кудряшевъ, Алек. Ив., Корѣшицовъ, Хар. Вас., Клепиковъ, Пав. Ив., Кирпичниковъ, Пет. Фед., Крицкій, Арх. Степ., Караткевичъ, Фед. Вас., Канцаринъ, Ант. Ник., Лушпенко, Вас. Зах., Лозовъ, Анд. Фед. Лазаревъ, Ив. Серг., Лысенко, Вас. Мих., Муру, Ив. Ант., Майстрюкъ, Ром. Пет., Острѣцовъ, Алек. Мих., Парфенинко, Ив. Фед., Прищено, Пав. Пет., Прокофьевъ, Дмит. Пав., Панченко, Клим. Алек., Падзолковъ, Берилъ Бор., Перепельченко, Григ. Вас., Рокотянъ, Мих. Троф., Сердюкъ, Леонт. Иван., Саяпинъ, Сер. Вас., Ильинъ Иванъ, Стогній, Степ. Лав., Сковородка, Яковъ Фом., Тихомировъ, Кон. Ив., Таряникинъ, Ив. Федор., Факѣевъ, Ив. Григорьев., Хомченко, Григ. Кар., Чумаковъ, Кув. Мих., Чебатаревъ, Сем. Ив., Черновъ, Иванъ Игн., Черныхъ, Ив. Аф., Шелякинъ, Гер. Онисиф., Шмыревъ, Мат. Евф., Шафа, Александръ Дан., Пелявинъ, Егоръ Степ., Сытюгинъ, Егоръ Евд., Форысъ, Мих. Троф., Алейниковъ, Егоръ Фед., Аверинъ, Фед. Сер., Барсукъ, Мих. Григор., Бачковъ, Фед. Ив., Бабищевъ, Тимоф. Гр., Болотовъ, Федоръ Степ., Бученковъ, Василій Ив., Валавикъ, Федоръ Григорьев., Галашъ, Влад. Адам., Дмитріевъ, Пет. Еф., Даниленко, Афан. Лук., Десяткинъ, Фед. Гр., Дьяченко, Ник. Семен., Еролашевъ, Пав. Иван., Ефремовъ, Вас. Андр., Ерисовъ, Тим. Иван., Жуковъ, Фил. Фил., Зотовъ, Алекс. Анд., Закатимовъ, Егоръ Сем., Здревъ, Дмит. Тих., Игнатовъ, Мих. Алекс., Ивановъ, Иванъ Герас., Кузнецовъ, Вас. Ант., Корочинъ, Андр. Анд., Ковтунъ, Ив. Емельян., Кривцовъ Пант., Лобутовъ, Пет. Данил., Лапшинъ, Мак. Лав., Муранчъ, Григор. Ст., Марченко Ник., Осмячко, Петръ Демьян., Платоновъ, Иванъ Васильев., Приказчиковъ, Григ. Федор., Пивнюръ, Мих. Семен., Путиловъ, Ив. Ив., Петровъ, Ив. Яковл., Пензинъ, Алек. Алекс., Разгоновъ, Илья Алекс., Сухановъ, Ник. Серг., Строменко, Алекс. Ник., Скрипай, Петръ Петр., Стегній, Вас. Петр., Суворовъ, Мих. Мстисл., Сарачанъ, Пав. Лук., Самокишъ, Деон. Ив., Степановъ, Яковъ Влад., Тарненокъ, Августъ Гулив., Трошинъ, Алекс. Порф., Турчаниновъ, Мих. Вяч., Торгашевъ, Вас. Григор., Туренинъ, Сер. Андр., Фоменко, Иванъ Спир., Худяковъ, Ник. Ник., Чипенко, Федоръ Дмитр., Чупакинъ, Ив. Яков., Чугункинъ, Григор. Пет., Шерестюкъ, Ив. Фед., Шестель, Яковъ Алек., Щербининъ, Мих. Мат., Ярушниковъ, Пав. Дмит., Шваннъ Влад. Іос., Антоновъ, Сер. Вас., Бородинъ Влад., Викторовъ, Бор. Влад., Гущинъ, Георг. Петр., Каширинъ, Ив. Фил., Каширинъ, Дан. Кузьм., Кейсъ, Яков. Денис., Орѣховъ, Мих. Ив., Шаминъ, Григ., Ляшкевичъ, Мих., Огурцовъ Иванъ, Зиньковичъ Іосифъ, Саковичъ Георгій, Закршевскій Іосифъ, Смирновъ, Вас. Фед., Ращакъ, Анд. Фом., Золотаревъ, Анд. Вас., Гусевъ, Мак. Исид., Каськовъ, Мих. Вас., Помазовъ, Григор. Ив., Чернявъ, Ив. Ив., Харитоновъ, Алекс. Анд., Данилюкъ, Уліанъ Аникс., Ольчакъ, Анд. Петр.